

Екатерина Сурская

Охота на многовения

сборник рассказов

16+

Екатерина Сурская
Охота на мгновения.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55338278

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник рассказов, написанных в разное время. "Было лето" – о беззаботном детстве; "Чагравый" – история появления у Вещего Олега его знаменитого коня; "Двое. Волки" – о самой главной встрече; "Вечерний рок-н-ролл" – городская зарисовка; "Когда мы были студентами" – о весельчаках, распевających *Gaudeamus igitur*; "Охота на мгновения" – о милых и мимолетных секундах...

Содержание

Было лето	4
Чагравый	16
Двое. Волки	33
Dream, dream, dream, или Вечерний рок-н-ролл	38
Когда мы были студентами	42
Охота на мгновения	79

Было лето

Было лето.

Лето обычно начиналось ранней весной, когда мы ходили со Светкой на «наше» поле, тонули в ломких сугробах, на которых лежал тонкий, искрящийся, подтаивающий наст.

Его было так здорово обламывать и засовывать в рот, он таял и хрустел, и был вкусным.

Еще очень ярко светило солнце, и с наста капала вода.

А потом земля оголялась и становилась мягкой, кое-где выглядывала прошлогодняя жухлая трава, по цвету сливаясь с коричневой землей. На земле четко отпечатывались следы, и по мере того, как она подсыхала прохладными апрельскими вечерами, эти следы становились все менее заметными.

Тогда появлялась мать-и-мачеха.

Обычно это бывало так: вот идем мы с мамой, я держу ее за руку и верчу головой по сторонам. И вдруг – ах! Вон там, на самом солнцепеке торчит желтая голова! И еще одна, и вон еще! Ах!

– Мама, мама, смотри – одуванчики!

В детстве, наверное, все путали мать-и-мачеху с одуванчиками. Только потом, в третьем классе, я начала их различать, прилежно вырисовывая на уроке природоведения эти желтые головки.

***

Самым волнующим был день, когда можно было снять шапку. Голове тогда становилось так непривычно легко! Конечно, было немного зябко, но переполняла ужасная гордость, что мне уже можно без шапки, а Светку, которая младше меня на год, мама еще укутала по-зимнему. А потом и Светка снимала шапку, и уже совсем маленькие ребятишки во дворе бегали растрепанными, и становилось совсем понятно – скоро настоящее лето!

***

Лето приближалось, когда мы начинали ходить на поля.

«Поля» – это самая окраина города, там, где и город-то уже заканчивался, а проселочная дорога вилась вдоль речки под названием Ошла и уходила куда-то в неизвестные поселки. Слева от дороги текла речка, а справа до самого горизонта расстилались эти самые поля. И с другой стороны речки тоже были поля.

На поля, конечно же, нас одних не пускали, да нам никогда и в голову не приходило пойти туда самим. Во-первых, шагать до первых зарослей ивняка, где можно здорово играть в индейцев, очень далеко и без взрослых ужасно скучно. А во-вторых, самые интересные заросли были где-то за хитрыми поворотами дороги, которая вдруг разветвлялась, а знал эти повороты только мой папа, поэтому, как ни крути, без взрослых не обойтись.

Еще папа смешно пугал маму, когда на своем огромном велосипеде «Урал» с огромной страшной рамой вдруг вка-

тывался на крутой берег реки и мчался прямо над самым обрывом по очень узкой тропке, а мы все шли по широкой дороге с двумя колеями внизу. И мама кричала ему: «Витя, Витя, куда?», а папа смеялся.

Хорошо еще, что мама не видела, как мы с папой однажды прокатились так вдвоем.

По берегам Ошлы росла крапива. Молодая крапива очень вкусная, когда ее сварят в специальном супе с курицей и сырым яйцом. Этот суп мама варила один раз в году, когда мы впервые после зимы ходили на поля за крапивой. Возвращались уже вечером, но на кухне было не темно, а так, весенние сумерки, и мама варила весенний суп, обдавая крапиву кипятком. И запах крапивы висел в майских сумерках.

***

Потом начинала цвести липа.

Тогда мы шли стирать палас.

Из земли выходила огромная труба, из нее хлестала желтая вода, с ревом и мутными брызгами во все стороны. Вода наполняла каменный накопитель, он был длинный и узкий, но мне казался очень большим.

Туда спускался палас, и мылился, и плавал в этом накопителе под этой ревушей водой.

А рядом росли липы. Их было несколько, но одна особенно красивая. Вся-вся в душистых цветах. Папа поднимал меня на руки, я тянулась за ними и срывала несколько цветочков.

Потом дома я прятала цветочки, и аромат их путался у меня в волосах еще какое-то время.

Пока его не вытесняли другие ароматы.

**

«Наша» аллея становилась совсем зеленой и тенистой. У нас со Светкой было «наше» поле и «наша» аллея. На поле, в самом его центре, росла одна-единственная дикая яблоня. То, что это именно яблоня, мы узнали совершенно случайно. Я однажды на нее залезла и в самой гуще листвы вдруг увидела маленькое зеленое яблоко. Тут же сорвала его и с победным криком скатилась вниз, ободрав коленки и локти. Мы радовались этому яблоку, словно килограмму «Маски»! Оказалось оно ужасно кислым, но мы мужественно искусали его, а огрызок закопали под яблоней, полагая, что у той может родиться дочка из этого огрызка. Что на самом деле из него выросло, неизвестно, потому что через пару-тройку лет яблоню срубили, а «наше» поле закатали в асфальт, поставили скамейки, и оно превратилось в чинный сквер, где выгуливали собак.

Но тогда мы разговаривали с нашей яблоней, как с живой, и она отвечала нам.

***

А «наша» аллея тянулась далеко-далеко, до самого стадиона «Дружба». Туда мы одни ни разу не доходили. Доходили с родителями на Новый год, когда ходили к Кудakovым. В конце аллеи был какой-то памятник на белом постаменте,

но это была уже не наша аллея, а что-то чужое, и памятник чужой, не наш.

***

А в «нашей» аллее у нас со Светкой был друг. Его звали Старичок-боровичок. Это был старый куст можжевельника, ростом не выше пятилетних девочек. Мы с ним разговаривали и доверяли свои секреты. А однажды даже принесли ему в подарок старые батарейки, которые я вытащила у папы из разного хлама на балконе. Рядом со Старичком-боровичком росла высокая липа с прямым темным стволом. Это было Дерево Счастья. И если Старичок-боровичок был другом, с которым можно запросто поболтать, то Дерево Счастья было неким божеством. Разговаривать с ним полагалось осторожно, очень-очень тихо, шепотом и зажмурившись. Мы обычно просили у Дерева Счастья всяких милостей себе. Верили, что оно исполнит желания.

У входа в аллею росла тонкая сирень. Звали ее просто – Зелень. Она странно свешивалась аркой, образуя будто настоящий вход в «нашу» аллею.

Мы входили туда, здоровались с Зеленью, бежали к Старичку-боровичку, смутившись, кивали Дереву Счастья, и присев на корточки, веточками шевелили муравейник или, взявшись за руки, шли вглубь аллеи, распевая какие-нибудь песенки.

***

Было лето.

Однажды мы с мамой шли по двору. У второго подъезда нам встретился дяденька с большой собакой. Собака была почти с меня ростом.

А я раньше собак совсем не замечала, словно не видела. Поэтому и не поняла, надо ли такую большую бояться. Может, надо? Но бояться собаки не хотелось, тем более она смотрела на меня с любопытством, и глаза у нее были такие, что сразу становилось понятно – собаку с такими глазами могут бояться только дураки!

И я посмотрела на дяденьку в смешной панамке и, осмелев, спросила:

– А можно я его поглажу?

– Погладь. Он не укусит.

«Да знаю я, что не укусит. И спросила-то разрешения только потому, что так положено».

И я погладила Большого Пса.

***

Во дворе были разные качели. Три стояли в ряд. В центре были мои самые любимые. На них можно было раскачаться «до стукота». Это означало, что когда ты сильно-сильно раскачиваешься, тонкие железные «веревки» качелей стучаются о перекладину, взлетая параллельно земле. Было страшно, но кто мог раскачаться «до стукота», тот заслуживал всеобщее уважение. Один раз я смогла.

***

Весь двор играл в прятки. Кто водил, отворачивался к тол-

стому стволу большой березы и считал. Я, когда громко считала, всегда рассматривала муравьев, ползающих по березе вверх и вниз. Можно было не закрывать глаза, хотя кто-то говорил, что закрывать обязательно. Но как бы я тогда смотрела за муравьями на березе?

***

Светка пряталась в мальвах. У подъезда росли высокие шершавые мальвы. В середине лета они густо разрастались и цвели розовыми, белыми и фиолетовыми цветами. В середине каждого такого цветка был толстый пушистый пестик, обязательно со шмелем. И пахли мальвы теплым летним днем.

Светку я быстро находила.

***

Еще были «секреты».

Их прятали в земле, вложив между двумя кусками битого стекла. Стекло было чаще темное, коричневое, но иногда удавалось найти светлое, зеленоватое или голубое. Тогда «секрет» был лучше виден. «Секретом» обычно бывал фантик от любимой конфеты. И вот его надо было спрятать и запомнить, где. Мне было не очень интересно. Ребята постарше искали «секреты» друг друга, но я не чувствовала, что мой «секрет» такой уж «секретный», чтобы кто-то другой хотел его найти. И уж конечно мне не казались безумно таинственными «секреты» других. Подумаешь, фантики!

***

И вот наступал день, когда меня отправляли к бабушке.

Бабушка жила в Пензе. Туда надо было сначала ехать на поезде с деревянными сидениями до Зеленого Дола, а потом на настоящем поезде с верхними полками до Пензы.

Я любила ездить на поезде.

Мама доставала курицу в мокрой бумаге, курица была холодная и вкусная. Еще были вкусные огурцы, папа расстилал газету, сыпал соль на газету горкой, макал в нее огурец и давал мне. Я грызла огурец и соль хрустела, не успев раствориться в огуречном соке.

Только когда ели вареные яйца, мне не нравилось. А все обязательно ели вареные яйца, и их запах смешивался с запахом гари и шерстяных одеял.

***

От вокзала до бабушки надо было ехать на седьмом троллейбусе до остановки «Терновского», я это хорошо знала. Мы доезжали, а потом шли через школьное поле по пыльной дороге, шли долго, и вот показывался наш поворот в зеленую улицу, заросшую травой.

***

Во дворе росло старое абрикосовое дерево. Под ним – огромный пионовый куст. Пионы уже цвели, вокруг них гудели пчелы. Четыре яблони роняли в картофельную ботву душистые, подпорченные червяками яблоки. Потом эти яблоки мы с Оксанкой заваривали кипятком в летней кухне и пили, обжигаясь. Тетя Маша, Оксанкина бабушка, выклады-

вала ложкой нам на тарелки кислое козье молоко, а почему оно называлось «кислое», я не знала. Оно было очень сладкое.

***

У тети Маши была свинья Феня. Она смешно хрюкала, и тетя Маша называла ее «Феня-залупеня». Что такое «залупеня», я тоже не знала, а тетя Маша не объясняла. Потом мне надоело думать, что это, и я забыла спросить у бабушки.

***

А однажды мы с Оксанкой ушли к тете Лиде на другой конец Терновки. Как мы вообще туда дошли, непонятно. Мы все шли и шли, и вокруг росли высокие кусты ярко-желтых цветов. Потом была куча песка, и старый стоптанный ботинок. А потом нас ругали бабушки, и Оксанку даже заперли дома на целый день.

***

Как-то мы играли в «войнушку» с мальчишками. Их было трое: Игорек жил в углу улицы при въезде, Сережка Крючков жил через дом от меня, а Будневский Вадик жил почти напротив Оксанки. И вот мы с ними «воевали». А еще с нами «воевали» две совсем маленькие девчушки, Настя, двоюродная сестра Оксанки, и Женька, моя соседка. Они устроили штаб у меня в яблонях, а меня поставили на забор охранять и предупреждать в случае появления противника.

И вот стою я на заборе с ведром воды на всякий случай. Противник, конечно же, не замедлил появиться. При-

шли трое, здоровые, задиристые. Вадик вообще был на голову выше всех ребят, а меня на две головы выше. Вот он первый и крикнул:

– Эй, ты, на заборе!

И яблоко с земли поднимает.

«Ну, – думаю, – сейчас пулять будет!»

Однако не отвечаю и вообще, делаю вид, будто их нет вообще.

А он так перекидывает яблоко в руках и улыбается нагло.

– Чего в ведре – картошка?

– Не подходи, водой окачу!

– Ага, как же! Так я и поверил!

– Вадь, может, у нее и правда там вода, не подходи лучше... Она ж дурная – окатит!

– Да нет у нее там ничего, врет она все!

– Вадь...

– Ну, смотрите!

И идет смело к забору.

А я жду. Замерла. Смотрю на него, а он все ближе. И страшно мне, но жду. Вот он еще ближе, и ведь тоже не торопиться. Опасается. Еще ближе подходит.

Ну, кажись, в самый раз...

– На-а-а!!!

И Вадька, трясая головой, как собака, отскакивает и с воем убегает.

У меня было полное ведро воды.

***

Однажды мы подрались с моим двоюродным братом Се-режкой. Он заехал мне яблоком прямо в грудь, а я огрела его детской балалайкой по затылку. Потом помирились. Потом стали раскрашивать мою любимую раскраску «Петушок». Бабушка, пока я у нее гостила, покупала мне не менее пяти таких раскрасок, и каждый раз это был праздник!

***

По дороге к остановке был страшный овраг. Через него был перекинут деревянный мост. Однажды мы с Оксанкой на спор туда полезли. Там было прохладно, висела паутина и росла огромная крапива. Как только я туда спустилась, я перестала бояться. Там было все то же самое, что и наверху. Только тень от больших деревьев да звенящее комарье.

Так я и сказала Оксанке, мол, ничего там интересного нет. Она и не полезла.

***

А однажды мы с Оксанкой наелись перезрелой малины. Ох, до чего ж она была сладкая! Она уже не держалась на ветках и падала нам в ладони с куста, такая крупная и почти фиолетовая.

И вечером у меня поднялась температура, бабушка отпаивала меня какими-то ярко-красными таблетками, тоже похожими на малину. А я плохо соображала и только вдруг увидела встревоженные папины глаза. Папа приехал за мной.

Лето кончилось.

Чагравый

Дорога впереди заволновалась, задрожала, и дед Лесьяр остановил кобылу. Беяна, дочка его, привстала на повозке и, приложив ладонь козырьком ко лбу, с любопытством стала вглядываться в клубы пыли. Мерный топот подсказывал, что приближались всадники.

– Нешто князь? – пробормотал дед, задумчиво стягивая шапку.

И верно – то были дружинники Олега.

Сам Олег ехал впереди. Поравнявшись с повозкой, он вдруг остановился и сделал знак дружине.

– Гой еси, старче! – крикнул он Лесьяру.

– И ты, княже, здрав буди! – Лесьяр низко поклонился.

Беяна во все глаза смотрела на князя, тот заметил ее взгляд и невольно подбоченился.

– На торжище?

– Туда.

– Что везешь?

– Шкуры да мед.

– Добро. Нынче там у нас греки, торг ладный. А это кто ж с тобой?

– Дочка, меньшая. Увязалась следом.

– А кобыла, гляжу, у тебя, старче, тяжелая, – наметанный глаз Олега ощупывал животное и нет-нет косил на Беяну.

Дед терпеливо ждал, куда князь нараспрашивается. Тот не особо торопился; дружинники, ухмыляясь в густые бороды, рассыпались вдоль дороги и опустили поводья. Олег повыспросил у Лесьяра, где он живет да жива ли хозяйка, сколько сыновей, где пашут, сколько ульев стоит, кто рядом живет, давно ль торгует да хорош ли зверь нынче... Лесьяр отвечал односложно, мял шапку в руках и старался не смотреть князю в глаза. Какая-то неизъяснимая тревога начала мухой зудеть в груди.

– Вижу, добрая кобыла, старче, крепкая да смирная, – вдруг сказал Олег. – Эй, Зима!

Князь пошептал что-то на ухо подъехавшему высокому дружиннику, тот кивнул.

– Ну, прощай, старче!

– Прощай, князь!

Дружина умчалась, а дед еще какое-то время нахмурено смотрел им вслед.

***

Весь день встреча с князем не выходила у Лесьяра из головы. Беяна тоже была рассеяна: то мечтательно улыбалась, глядя куда-то вдаль, то внезапно заливалась краской и закусывала губу, а когда дед смотрел в упор, отводила взгляд.

– Не к добру, – бормотал дед и сам себя ругал за мнительность.

Домой вернулись раньше обыкновенного, только начало смеркаться. Агафья с охами да ахами бросилась разбирать

наменянное, Лесьяр сел за стол, а Беяна ушла за занавеску.

В избу вернулись сыновья, кто с пасеки, кто с поля. Младший, Богдан, внес вязанку дров, старшие, Гордей, Гудим, Стыня и Молчан, принялись утираться полотенцами. Все они были похожи между собой: высокие, кряжистые, с заскорузлыми руками и покатыми плечами. И все были похожи на деда, который хмуро оглядывал свое семейство, возвышаясь за столом, будто столетний дуб. Агафья выставила горшок похлебки, выложила ломти хлеба да несколько луковиц.

– Браги налей, – велел ей Лесьяр.

– Опять браги! Где ж я тебе ее возьму? – заворчала Агафья. – Каждый день у тебя брага, колоброд ты этакий...

– Вот вздорная баба, – вдруг улыбнувшись, проговорил Лесьяр, – хлебом ни корми, дай похабалиться.

Но улыбка его была кривая, злая, и колючий взгляд так и впился Агафье в лицо. Та пожевала сморщенными губами и полезла за печь.

– Беяна, дочка! Ты чего там затаилась? Садись вечерять.

Лесьяр хлебнул браги, глаза его потеплели. Льняная головка Беяны выглянула из-з занавески, глаза застенчиво глянули на отца.

– Я, тятя, вечерять нынче не буду...

– Чего еще надумала? – прикрикнула мать. – И так одни кости да кожа! Кто тебя такую возьмет? Так и будешь торчать...

– А ну цыц, старая!

Лесьяр поднялся, вышел из-за стола; братья на миг замерли с ложками у ртов, и вновь принялись хлебать, провожая его взглядами.

– Пойдем-ка, дочка, покуда совсем не стемнело, к одному месту тут недалече.

Старик деловито подпоясался, велел Беляне закутаться в платок, нацепил шапку. Когда они уже вышли на дорогу к просеке, позади дома в стойле тихо заржала кобыла.

– Скоро принесет, – кивнул в ту сторону Лесьяр. – Жеребенок ладный должен быть, чагравый. Кобыла-то наша в табуне с чагравым конем спелась, а откуда тот конь – никто не ведает. Как пришел, так и ушел. И одну только нашу кобылу-то и приметил...

– А ну как не конь это вовсе был? А, тятя? Может, какой дух чужой?

– Не-е, может, и дух, конечно, да только не чужой. Чужого-то наша кобыла к себе бы не подпустила. А вот и поглядим...

Пройдя пасеку, они двинулись вглубь леса по еле приметной тропке и вскоре вышли на поляну с выложенным посередине древним очагом. Сюда приходил Лесьяр поговорить с богами, попросить у них удачи семье; здесь его старшие сыновьям приносили им дары, и вот теперь сюда же привел он дочку. Привел к очагу предков, не задумываясь, – будто к родному человеку кинулся, почуяв неладное.

– Ну, вот, Белянушка, а теперь сказывай отцу как на духу

что с тобой стряслось...

Беляна тут же сникла. Закатное солнце еще проблескивало за деревьями, но черные тени уже ложились крест-накрест на примятую траву, на древний очаг.

– Князь?

Беляна еле заметно кивнула.

– По нраву пришелся?

Беляна подняла на отца глаза, еле сдерживая слезы. Лесьяр хмурился, но каждый раз глядя на дочь, не мог сдержать улыбки.

– Тятенька, я ж все понимаю, – тихо проговорила Беляна. – Он и не взглянет на меня такую...

– Это какую ж такую? – загудел было Лесьяр, но осекся. «Нет уж, нечего девке голову дурить».

– Ты из головушки-то князя выкинь, да поскорее. Олег в стороне родной не бывает, все в чужие края с дружиной ходит. А в чужих краях и сгинуть немудрено... Вот что, дочка. На торжище в Новгород больше не пойдем. Кобыле понеси надо, негоже ее сейчас трогать, да и тебе поспокойнее будет. Лады?

– Добро, тятенька.

И Лесьяр вдруг сграбастал хрупкую фигурку дочери своими ручищами, прижал к груди.

– Ничего, дочка, ничего... это все ничего...

***

Кобыла Лесьяра в срок принесла ладного жеребенка. Как

и предсказывал старик, жеребенок оказался чагравой масти, с длинной мордой, тонкими, жилистыми ножками. Чуткие ноздри каждый раз жадно обнюхивали ладони Лесьяра, когда он поглаживал его морду, черный глаз косил, уже насто-роженный и злой.

– Добрый конь будет, – бормотал старик себе в бороду, засыпая кобыле овса.

Спустя неделю, когда солнце уже поумерило свой пыл и сыновья ушли на пасеку закрывать улья, во двор к Лесьяру заявился конник. Лесьяр, намаявшись накануне с поясницей, сидел, не шевелясь, у крыльца, плел лапти, грел кости под нежаркими лучами и, сощурившись, наблюдал, как неторопливо спешивается верзила в снаряжении дружинника. Что-то знакомое показалось в его облике старику. Когда конник повернулся и зашагал к дому, Лесьяр узнал в нем Зиму.

– Здорово, старче, – криво заулыбался Зима, подойдя к крыльцу.

– Ну, здорово, – с кряхтеньем поднялся Лесьяр ему навстречу.

– Кобыла понесла?

Лесьяр помолчал, подвигал схмуренными бровями, оглядел Зиму с головы до ног.

– Из варягов?

– Верно. Так я...

– С Олегом, значит, ходишь? Жалует князь?

– Не обижает. Ты, старче, вот чего...

– Значит, то князь тебя послал кобылу мою проведать? Нешто заботы у него другие вышли?

– Но-но, ты того... не больно-то! Князю конь добрый нужен. Кобыла твоя приглянулась, чего скрывать. А коли понесла она, так и покажи мне жеребенка – ежели он хорош, князь купит его у тебя. Ты, старче, не думай дурного – Олег хорошую цену даст.

Лесьяр молчал; не нравилось ему что-то в Зиме. Варяг он, ну и что, что варяг, варягов кругом что моли. Наглый да задиристый, это уж как велено, а иначе зачем он Олегу нужен, смиренный да робкий? Но со стариком вежлив, сдерживается, хоть и не умеет ласково молвить... Нет, все не то. Не это мучило старика. А вспомнился ему взгляд Олега, которым тот Беяну ожег тогда, на дороге. Как черными стрелами прошил, как железом каленым рубанул. Вспомнил тот взгляд Лесьяр, и словно туча грозная на него нашла.

– Вот что, варяг. Князю нашему передай – жеребенок не в масть вышел. Уж я рад, да только не тот это конь будет, чтобы князя носить...

Тут его прервало пронзительное ржание и следом тихий девичий смех.

Зима сделал шаг в сторону и заглянул за угол дома. Беяна выводила из загона чагравого, а тот вскидывал ноги, брыкался, все норовил вырвать легкую уздечку. Девушка, посмеиваясь, пробовала погладить строптивого жеребенка, но вся-

кий раз ей приходилось одергивать руку – он уже норовил ухватить зубами за пальцы.

Зима невольно залюбовался чагравым. «Вот бы самому такого заполучить! Ай да князь, ай да глаз! А старик-то, хитер – не желает продавать! А самому на кой нужен такой конь? В телегу впрягать?»

– Это что ж получается, старче? – заухмылялся Зима, буряв Лесьяра прищуренным взглядом. – Это вот, значит, какой у тебя жеребенок? Не добрый, значит? Ты, видно, в пчелах своих толк знаешь, а в конях, выходит, что нет!

И Зима заухал, загоготал, вертя лохматой головой. Беяна вышла из-за дома и замерла, лишь рука ее дергалась, когда чагравый тащил в сторону. Улыбка сползла, она тоже узнала Зиму, и теперь испуганно переводила взгляд с отца на нежданного гостя.

– Ты, старче, подумай. Крепко подумай! – крикнул Зима, вскакивая в седло, и тут же зашептал Лесьяру, склонившись: – Князю конь такой дюже нужен. Он удачу ему принесет, вот поверь. А не продашь – обидишь князя, ох как обидишь! И неровен час, он решит, что ты недругам его коня доброго продать хочешь, чтобы недруги его больше силы имели... А, старче?

Зима гикнул и ускакал со двора.

– Тятенька, чего ему нужно было? – тихо спросила Беяна. Жеребенок снова заржал, просясь на свободу.

– Да вот, Беянушка, хотел для князя нашего чагравень-

кого выторговать. А я не дал...

– А зачем князю наш жеребенок? Что, у него своих коней мало?

– А то мне, дочка, неведомо. Кто ж княжеский замысел поймет...

Лесьяр грустно усмехнулся.

– Ну, давай, дочка, отпусти уж его, пусть порезвится...

***

Всю следующую неделю Лесьяр ходил смурнее тучи. Сыновьям, если где и встретятся им посланники князя, он крепко-накрепко запретил вести разговоры про чагравого. Уж и мысли о том, что жеребенка могут выкрасть, стали накатывать на него по ночам. Издергался Лесьяр, и даже с Беляной был неласков, все больше молчал вечерами да хлебал брагу при лучине.

Но прошла неделя, началась другая, а от князя больше никто не приходил. Уже близилась осень, все работы были почти закончены, наступала спокойная пора, когда можно тихими вечерами плести короба да туеса, когда запахнет в избе сушеными грибами, зардеет рябина на опушке леса и потянет с урочища дымком от тлеющей огородной ботвы.

И Лесьяр успокоился.

***

В дверь избы заколотили чьи-то детские кулачки. Лесьяр медленно поднялся со скамьи, заворчал «кого там леший несет», тяжело поплелся к двери, скрипя половицами. За

дверью, согнувшись, приплясывал в нетерпении соседский Ярилко, мальчик лет десяти. Видно было, что он бежал со всех ног откуда-то издали.

– Дядька Лесьяр, а дядька Лесьяр! – заголосил он, едва того завидев.

– Чего стряслось? – нахмурился Лесьяр.

– Белянка ваша там, кличет тебя туда скорее иди!

– Куда туда?

– У старых развалин в лесу, там она! Сидит и волком воет!

– Да что ты врешь! Каким еще волком?

– Вот чтоб мне пропасть, если я вру! – затараторил Ярилко. – Мы по грибы, и девки по грибы, да только все вернулись, а она нет, а я побег к развалинам отсыпать...ну, грибочков чуток...надо мне так было, а она там заливается, а как меня увидала, беги, говорит, к тятю моему, беда у меня, а какая беда не сказывает, а велит бежать. Ну, я и побег...

У Лесьяра заныло сердце. Не раздумывая, он торопливо зашагал к поляне, бормоча что-то про недолю горькую.

У древнего очага, прислонившись спиной к теплым камням, и вправду сидела Беляна, уже тихая, съжившаяся, пустыми заплаканными глазами глядя куда-то в лес. Как только Лесьяр подбежал к ней, схватил за плечи, развернул к себе, забормотал «дочка, дочка, да что же это такое?», глаза ее снова наполнились непрошенными слезами, она судорожно вздохнула и обняла отца.

– Тятя, милый...прости меня...прости неразумную! – го-

рячо зашептала она ему на ухо.

– Что? Что, Беянушка? Кто же это? Кто тебя...обидел?

Беяна молчала, только плечи ее вздрагивали.

– Тятенька, ты только не серчай на него, – наконец произнесла она, глядя Лесьяру прямо в глаза, которые уже наливались грозюю.

– Ну, коли ничего худого князь не сделал, не буду серчать, – зло отрезал старик. – Да только вижу, что беда случилась. Сама расскажешь али к князю за ответом пойти?

Беяна замотала головой; и, по мере того, как она шептала отцу, цепко обвив его шею руками, не отпуская, словно боясь, что он бросит ее здесь одну, гроза в глазах Лесьяра наливалась кровью.

– Ягодой винной, заморской, меня угощал...кабы знал ты, тятя, до чего она сладкая, – вдруг мечтательно протянула Беяна, отодвинувшись от отца, а потом, спохватившись, глянула на него, и снова с горечью скривила рот. – Сама я за ним в шатер пошла, но будто в тумане, без памяти совсем... будто разум мой отнялся, и мыслей никаких...тятенька? Что ж это было? Что же это было со мной?

Она снова затряслась от рыданий.

– А то, дочка, недоля была...она такая – уж коль взялась за человека, ни за что не отпустит. Вот взялась за нас недоля, и будет теперь по пятам ходить. И никто ее не прогонит, покуда не натешится она и всех дел своих черных не переделает.

Беяна, раскрыв рот, смотрела на Лесьяра.

– Да ты сказывай, что далее-то было, в шатре-то князем?

– Что было...а то и было, тятя, будто не ведаешь... Как он глянул на меня глазами своими, я про все и забыла. Вот только потом...

– Что потом?

– Попросил он тебя уговорить, чтоб продал ты ему жеребенка нашего. И так мне вдруг стало тоскливо, будто он и любил-то меня с этим умыслом... слова какие говорил, звал с собой в поход, на град далекий, богатый, в шелка да бархат обещал одеть, камнями самоцветными одарить...

Беляна снова всхлипнула, но сдержалась.

– А я и скажи ему: тятя, мол, никому не велит такие разговоры вести, и просить я его не буду, потому как это тятя мой, а послушаться его я не могу. Вывел тогда меня князь из шатра и сказал: иди, красота моя ненаглядная, куда хочешь. А вернуться захочешь, коня этого мне приведи, иначе не пущу...

Лесьяр в бешенстве вскочил.

– А ну, где он, этот князь твой? Коня ему надо? Дочь мне спортил, сманил, охальник поганый, и коня хочет?

– Тятя, стой, тятя, не надо!

Беляна вцепилась в колени отцу, поползла за ним, трясясь. Лесьяра тоже трясло, сердце ухало в груди, то проваливаясь куда-то, то вздрагивая, как под кузнечными молотами. Он тяжело дышал и вдруг опустился рядом с дочерью, схватившись за грудь.

– Вот что, дочка. Ты матери-то не сказывай. Братьям тоже.

Уж я сам как-нибудь...

Лесьяр поморщился от боли в груди.

– Тятя... ты меня не прогонишь?

Старик глянул на дочь замутненными глазами и порывисто притянул ее к себе.

– Что ты, дочка, что ты! Да как ты могла так подумать? Давай-ка домой, а то наши спохватятся...

Они поднялись и медленно побрели прочь, обнявшись, а у края поляны Лесьяр обернулся на древний очаг и покачал головой.

***

Лучина догорела – язычок пламени пару раз вздрогнул, затрепетал и исчез, испустив тонкую струйку дыма. Весь вечер Лесьяр просидел за столом с ковшом браги, а как потухла лучина, склонил голову на локти.

Привиделся ему странный, тревожный сон – мутью заволок сознание, навалился дурным медведем, заломал, заныл. Вздрагивал Лесьяр в этом сне, зубами скрипел да кулаки сжимал.

И вдруг вскрикнул сдавленно, вскочил посреди ночи, опрокинув лавку; Агафья заворчала, завозились на печи братья, всхлипнула Беяна.

Дед наощупь выбрался во двор, шумно вдохнул густой осенний воздух, присел на завалину. Долго думал, жуя соломинку, пока думы его не прервало тихое фырканье чагравого

жеребенка в стойле. Лесьяр мотнул головой, прислушался.

– Так тому и быть, – вдруг громко сказал он в небо и ушел обратно в избу.

***

Лесьяр, кряхтя и согнувшись, вошел в горницу и остановился в дверях. День был праздничный, Святовит: за длинным дощатым столом, покрытым нарядной скатеркой с вышитыми по полям красными узорами, уже чинно восседало все семейство. Старшие сыновья передавали из рук в руки ковш, шумно отхлебывали добрый глоток браги и одобрительно крякали, утирая бороду с усами. В усах их пряталась довольная улыбка – они предвкушали шумные увеселения, которые последуют за семейной трапезой, когда все село сойдется на большом пустыре да зачнет пляски с перепевами в честь доброго урожая. Беяна с Агафьей хлопотали у печи, и никто не замечал стоявшего в дверях Лесьяра. Но тут старик шагнул вперед. Разговоры смолкли. Старик обвел всех мутным взглядом и сорвал с головы новехонький суконный колпак, смял его в ладонях. Сыновья с удивлением разглядывали новую рубаху, новые портки, широкий, в четыре цветные нити плетеный кушак. Только лапти у деда были старые, расхлябанные. Не спеша и ни на кого не глядя, дед подошел к столу, швырнул колпак в сторону и пригубил брагу. Пил он долго, тихо, зажмурившись, лишь кадык судорожно дергался под всклокоченной редкой бороденкой. Опустошив ковш, он грохнул им по столу так, что женщины вздрогнули.

– Уже забавитесь? – недобро улыбнувшись, глухо спросил он.

Все молчали.

– Князю-то я чагравого все ж продал, – вдруг грустно промолвил старик и тяжело опустился на лавку, поник головой.

– Как продал? – вскочил Гордей. – Да на кой же?

– А вот на кой, – дед в упор посмотрел на сына; та же недобрая улыбка вновь пронеслась по его лицу. – Олег через коня этого смерть примет.

– Да что ты такое речешь, старый?! Али ума лишился? Али уже пьян?! – всплеснув руками, заголосила Агафья.

– Молчи, колотовка. Все молчите. Ведаю я...

Дед сгорбился на лавке, потух, но спустя мгновение вновь вскинул голову.

– Вот, дочка, как я его... обидчика-то нашего. Вот так его!

Беляна бросилась в ноги отцу. Лесьяр ласково гладил ее по голове, приговаривая:

– Ничего, дочка, ничего... это все ничего...

Двое. Волки

Волк бежал.

Иногда он проваливался на бегу в забытье, не понимая, кто он, повинувшись лишь той силе, что гнала его вперед.

Иногда он замедлял бег, переходя почти на шаг, задыхаясь от усталости.

Но остановиться не мог.

Волк был седой, крупный, с длинными мускулистыми ногами.

Он бежал, светло-карие глаза замечали каждое движение рядом, но он был один.

Волк-одиночка что-то искал...

***

«Опаздываю! Таша меня убьет! Ох, как же я опаздываю!» – мысли пронеслись у нее в голове, как у того кролика, за которым гналась Алиса.

Вечернее солнце золотило асфальт, отражаясь в стеклянных дверях торгового центра. Оно было везде, уже клонилось к закату и напоследок просто ослепляло прохожих.

Вдруг ей показался знакомым мужчина, стоящий у ограды тротуара, за которой зеленел майский газончик. Он шурился на солнце, высоко подняв голову.

И она узнала его. Полгода назад они еще работали вместе в крупной компании.

Мысли побежали впереди нее: «Любопытно, что он тут делает, зачем стоит? Ах, я же тороплюсь! А, может...да, пожалуй, надо подойти, поздороваться...»

И она вернулась.

Сказать: «Привет!»

***

Волк вышел на огромную поляну, залитую солнцем.

Солнце клонилось к закату.

Волк остановился. Он знал, что нашел самое солнечное место.

Поляна заросла земляникой, огромные темные ели окружали ее со всех сторон, и среди них светлели тонкие березки, печально свесив ветви.

Потянув носом воздух, волк понял, что уже не один. Со всем рядом, из-за ельника, на него смотрели глаза.

Зеленые глаза волчицы.

Она вышла навстречу, осторожно ступая по мягкой траве.

Волк замер.

Волчица остановилась прямо перед ним и тоже замерла.

И вдруг пасть ее растянулась в улыбке, она коротко зевнула и проскочила мимо, едва не задев.

Она побежала в чащу, не оборачиваясь, а он крутанулся на месте, опомнившись, и бросился за ней.

***

Майская ночь трогала холодком за плечи. Они шли по мосту, потом остановились и стали смотреть на воду.

Вода внизу отражала фонари, и, казалось, по ней несутся, иногда уходя на глубину, длинные, хвостатые искры.

И тогда он быстрым движением развернул ее к себе и поцеловал.

А когда она остановилась у двери своего подъезда, не смея поднять глаз, с каким-то смешанным чувством стыда и страха расставаясь, он сказал, что сейчас никуда не уйдет, а просто поднимется к ней.

Она посмотрела ему в глаза и сдалась.

***

Так они бежали.

Волк, конечно же, сразу догнал ее, но она лишь мельком скосила глаза на серую тень рядом и продолжила ей одной известный путь.

Она знала, куда он ведет.

А волк доверился ей и бежал рядом, судорожно вдыхая ее запах, накатывающий теплыми волнами.

Он не боялся упустить ее, он знал, что она сама уже никуда не уйдет.

Деревья редели, духота чащи сменилась свежим вечерним ветром.

И лес внезапно исчез. Они выскочили к высокому обрыву.

Внизу лежала долина, шумела вода, и солнце уже исчезало за горизонтом, в узком ущелье.

Еще мгновение – и последний луч осветил двоих стоящих у обрыва.

По небу расплзлись розовые полосы заката, ветер усилился, сгоняя облака туда, где только что пламенел алый шар.

У самого обрыва в нагромождении серых камней чернел вход в пещеру.

Волчица замерла перед входом, повернула голову, но посмотрела не на волка, а куда-то вдаль, на темнеющий за долиной лес, взбирающийся по уступам скал – она словно ждала, что оттуда появится нечто неожиданное.

Волк подошел близко-близко, загородил ей вход в пещеру и, широко расставив лапы, завис над ней громадной тенью. Она посмотрела ему в глаза и сдалась.

Dream, dream, dream, или Вечерний рок-н-ролл

Это было теплым майским вечером.

На небольшой площади перед метро, за уродливыми спинами огромных идиолов, вздымающих столбоподобные руки в темнеющее небо, двое молодых ребят играли рок-н-ролл.

Вокруг стояли праздные прохожие с пивом, вечером в пятницу они никуда не торопились.

Ребята играли рок-н-ролл.

Один из них, светловолосый, веснушчатый, с удивленными глазами, пел «Love me tender» голосом, совсем не подходившим его внешности, всей какой-то воздушной и прозрачной.

Другой был, напротив, крепкий, чернявый, сильными пальцами он бил по клавишам, будто высекая искры.

Искры эти плясали в воздухе, прохожие останавливались, на их лицах замирала улыбка.

Разные стояли люди кругом. Большинство, конечно же, обнявшимися парочками, молодежь в разодранных джинсах, какие-то быкастые бритоголовые в ярких спортивных костюмах с кривыми ухмылками в недобрых глазах, круглые полнотелые тетушки с сумками на перевес на сгибе локтя, одинокие молоденькие девчата в балетках, с гитарами за

спинами, и много еще другой разношерстной публики, что бежит вечером из метро и в метро.

Все они слушали, улыбались, потом в задумчивости подходили к коробке, подставленной перед ребятами, бросали туда деньги и так же в задумчивости отходили.

И тут ребята заиграли «Let twist again»; сильный голос веснушчатого выдернул из толпы хлипкого сутулого мужичка с проплешиной во весь лоб, свисающими с кончика сизого носа очками и сморщенным ртом. Мужичок с упоением показал толпе, что такое твист, под громкий одобрительный гогот и свист бритоголовых. Пачка «Мальборо» выпала у него из нагрудного кармана, кто-то услужливо подобрал, пытаясь отдать ему, но тот не замечал ничего.

К мужичку присоединилась смеющаяся тетушка, которая грозила ему пальцем, если он вдруг, забывшись, пытался прижаться к ее вертявому заду.

Они кружились и искрились, а «публика неистовствовала!». Их окатили градом аплодисментов, когда ребята кончили играть.

Пара бритоголовых подошла к играющим, пошептались о чем-то и довольные отошли. Крепкий чернявый произнес в микрофон:

– Сегодня в виде исключения!

И из-под пальцев его с клавиш сорвалась и пошла вразнос веселая рок-н-рольная «Мурка». Бритоголовые еще кривее заулыбались, а глаза их вдруг подобрели.

Молоденький паренек с испитым лицом и мутным взглядом начал выкидывать коленца под «Мурку».

«Мы пошли на дело, выпить захотелось...», – самозабвенно выводил чернявый, ему хлопали и тоже свистели; какие-то девицы неопределенного возраста хохотали во весь голос, а светленький воздушный паренек немного натянуто улыбался, глядя на своего друга. Видно было, что «Мурка» ему не сильно нравилась.

– Возвращаемся в 60-е!

И, пошептавшись, ребята начинали новую композицию, а в толпе тут и там слышалось:

– Ух ты!

– Вот молодцы!

– Вот жгут, а?

– Классно!

Люди орали «браво!», а ребята, смущаясь, еле слышно бросали в микрофоны «спасибо» и продолжали играть.

Я слушала их уже час, и не хотелось уходить. Давно была забыта минеральная вода, за которой, собственно, я и направлялась, пока меня не остановил уличный рок-н-ролл.

Так мы с ним познакомились.

Случайное знакомство...случайное, как все, самое хорошее в мире, грозившее перерасти в нечто большее.

И когда в еще теплой прохладе надвигающейся майской ночи, сквозь шум Красной Пресни, над головами подобревших вмиг людей, понеслось мелодичное «Dream, dream,

dream», я пообещала этому небу, этому вечеру и себе, что...
да, черт возьми, буду мечтать!

Я буду мечтать.

Я буду летать.

Я буду слушать вечерний городской рок-н-ролл.

Я буду жить.

18.05.2012г.

Москва, площадь Краснопресненской заставы

Когда мы были студентами

«Эх, здравствуй, город родной, любимый!» – захотелось крикнуть мне на весь пустой перрон.

Сердце пело!

Остались позади экзамены, выпускной, короткие сборы, прощание с родителями, братом и двумя самыми близкими подругами.

Я уезжала к бабушке поступать в институт. Почему нельзя было этого сделать в городе, где жили родители, не понимал никто, включая и меня.

«Я тут не останусь!» – мама была поставлена перед фактом, пожала плечами и ответила:

– Ты большая девочка, сама знаешь, что делаешь.

Эта фраза была лейтмотивом всего моего воспитания, и в итоге дала свои результаты.

Я выросла самостоятельной, уверенной в себе и независимой. Наконец покинула родительский дом, чтобы начать свой собственный путь в океане жизни.

Половина шестого утра, середина июля, и легкая прохлада трогает плечи.

Я выволокла на перрон свои сумки, огляделась. Вдалеке чья-то до боли знакомая полная фигурка замахала рукой.

Закрываю глаза.

«Бабушка...»

***

– Ой, не могу, ну дайте хоть чай допить! – булькая, стонала я, держась за живот.

Дед Василий и баба Катя пожали плечами. Для стариков их разговоры, фразочки и шутки были обычным делом, чего ж такого? А я каталась по полу от смеха.

– Вот так и живем – играем в бе-бе, кто кого наебе..., – подвел итог дед Василий и, нацепив кепку, вышел во двор.

– Тьфу, дурень! – в сердцах бросила бабуля.

В доме пахло, как в детстве. Груша во дворе ломилась от крепких сочных плодов. По вечерам, накупавшись и набежавшись, я усаживалась на скамейку у калитки с двумя малолетними соседками, Женькой и Стаськой. Девчонки умудрялись слопать за вечер ведро груши, а иногда разжигали костер и жарили хлеб с салом.

Я показывала им Большую Медведицу, а они хлопали глазами и слушали, раскрыв рты, о Древнем Египте, о Железном короле Филиппе V, о гибели «Титаника» и фокусах Копперфильда.

А потом пришла пора сдавать вступительные экзамены в Пензенский базовый медицинский колледж на отделение фармации.

***

– Так, абитуриенты, заходите по три человека! Давайте, давайте, я с вами неделю тут сидеть не собираюсь!

Строгая тетечка нацепила очки и оглядела кучку вчераш-

них школьников.

– Голуби мои, проходим, не стесняемся!

Я поняла, что деваться некуда.

Билет попался смешной, и я тут же застрочила ответы на выданном листочке.

Задача в одно действие меня немного смутила, а вопрос о реакции полимеризации заставил задуматься.

Отвечая, я напрямую спросила преподавателя:

– Эта задача точно в одно действие?

– Да, в общем, все правильно... Вот здесь математическая ошибка у вас... Так, третий вопрос?

– Реакция полимеризации. Примером является синтез каучука. Только я формулу не помню.

Строгая тетечка глянула на нее поверх очков.

– Странно, что вы саму реакцию вспомнили... Так, хорошо, ну что ж. Четыре, пожалуй.

Я пожала плечами. Четыре, так четыре. У меня по химии никогда выше и не было.

Диктант был написан тоже на четыре, а проходной балл равнялся трем. Моему ликованию не было границ.

***

Понеслись дни, полные всего нового, необычного. Новые знакомые, новые увлечения, новые знания.

Мне легко давалась учеба – захватило с самого начала. Я могла часами вырисовывать строение органов брюшной полости в разрезе, копаться в библиотеке, выискивая интерес-

ные факты из неорганической химии, готовила рефераты по биологии о синтезе белка и прочее, и прочее.

Я вообще была очень увлекающейся – если бралась за что-то, вкладывала всю душу.

Как обычно, в конце октября каждый год проходил конкурс среди первокурсников – что-то наподобие «Мы ищем таланты». В этот раз он был посвящен творчеству Пушкина.

Ребята лихорадочно готовились. Как-то само собой получилось, что заводилой и организатором стала я. У меня появилась мысль в стихах и танцах сравнить два века – так и назвали номер «Встреча двух веков». Танцевали вальс и современный танец под зажигательные ритмы Галы, читали стихи и пародировали «Отпетых мошенников». В общем, выступали на всю катушку. Но, в итоге, призового места не заняли... Никто не расстроился.

***

У меня появились друзья.

Самыми близкими были Надюшка и Любаша. Девчонки снимали в Пензе квартиру с хозяйкой и часто гостили у меня. А любимым нашим развлечением было мотаться по всему городу, особенно там, где мы еще не бывали, бродить по незнакомым улицам, смеяться, покупать беляши «с котятами», по меткому выражению Нади, сплетничать об отношениях с сильным полом и строить планы на будущее.

А еще мне стал не безразличен один человек. Так всегда бывает, когда тебе семнадцать и ты учишься в колледже.

Нельзя сказать, что я была влюблена, но меня бесконечно тянуло к нему, и его внимание много значило.

Его звали Саша, и сидел он на всех парах прямо передо мной – видимо, чтобы, развернувшись вполоборота, видеть мои глаза, слышать голос, переписываться короткими, ничего не значащими фразами о любимых исполнителях популярной музыки и фильмах. По крайней мере, мне хотелось так думать.

И точно так же, как мне было приятно внимание Саши, было жутко неприятно общаться еще с одним пареньком – Олегом. К слову, его не любили все. И даже непонятно, по какой причине. Ничего отталкивающего во внешности, но какая-то придурковатость была во всех его словах и движениях. Про таких говорят – тараканы в голове.

Обычно он садился на одну из последних парт, но иногда подсаживался к девчонкам и заводил свои непонятные разговоры с ужимками и вопросами, смысла которых не понимал никто.

Как-то раз мы сидели на этике. Звонок прозвенел, ждали преподавателя.

Тут заходит Олег, оглядывает парты, видимо, решая, куда сесть.

Сашка возьми и скажи ему:

– Иди, сядь к девчонкам!

Олег, естественно, с бурной радостью принимает предложение и подсаживается за нашу парту. А парты у нас были

длинные, и сидели мы так: я, Надежда, Люба, Наталья, а на пустое место с краю подсел Олег. Санька же сидел передо мной, как и говорилось раньше.

И вот мы все четверо смотрим на него уничтожающим взглядом.

Я говорю:

– Свинья ты, самая что ни на есть натуральная!

– Я?!

– Кто же еще? Ты, конечно! Ну, ладно, больше всего не повезло Наташке. Хорошо еще, что я там не сижу...

И тут он заявляет:

– Не-е, ты со мной...

Мне эта фраза неделю покоя не давала... Нравился мне он, что ли?

***

Но, в итоге, ни слова о чувствах между нами, даже если они и были, не было сказано. Так мы и дружили, я помогала ему с учебой, он рассказывал о своей жизни, о работе диджеем на дискотеке, об увлечениях. Нам просто было интересно вместе.

Шла весна 1999 года. Мы с девчонками в то время часто ходили на дискотеки. А однажды курсанты артиллерийского института пригласили нас на свой вечер, чему-то там посвященный. Это был мой первый выход в свет, первый танец-медляк с мальчиком. Помнится, под композицию «Frozen» Мадонны.

С того раза дискотека «Верхнее гулянье» в Парке имени Белинского стала нашим вторым домом. Мы выплясывали под «Руки вверх», «АТВ», «Парадокс», Алсу с ее первыми песнями. А если ди-джей ставил что-то непонятное, под которое толком и не оторваться, Надюха говорила: «Ди-джей тупой, пусть сельдерей к микрофону привяжет!» Мы тогда умирали под монолог Винокура о тупой секретарше и сельдерее...

Весна была незабываемая.

У Надежды 26 апреля был день рождения. Восемнадцать лет! В этот день, помнится, мы с утра «отбыли наказание» в военном госпитале, изучая виды повязок, по-научному «десмургия», отсидели пару теории по клинической патологии, получили стипендию и пошли на рынок. Обычно со стипендии покупались проездные, дезодорант, какая-нибудь ручка обязательно с цветной гелиевой пастой, еда, называемая «подножным кормом», смешные открытки, тетради и блокнотики. Иногда я брала кассеты для магнитофона, «Вакуум», «Энигма», «Гала» – это были любимые. А стипендия равнялась восьмидесяти шести рублям...

Потом мы разъехались по домам, чтобы переодеться и ехать кататься по городу. Я вырядилась в зеленый топик в черный горошек, черные джинсы и кожаный пиджачок. Подписала Надежде открытку и отправилась на Лермонтовку. Так называли остановку «Библиотека имени Лермонтова» – место встречи всех студентов. Напротив остановки стоял па-

мятник основателю Пензы, именуемый в народе «Мужик с копьем». Вот около него все и собирались.

Еду на седьмом троллейбусе, смотрю, Надюха уже маячит. Вылезла, вручила ей открытку, она растрогалась аж до слез. Стоим, ждем Любовь Сановну, и тут подходит к нам какой-то пятидесятилетний мужичок.

– Девчонки, можно вопрос?

– Ну, можно...

– Только он личный.

– Ну, ладно...

– Как вы думаете, мне стоит подстричься?

– ??? Наверное, не мешало бы...

– А как сейчас молодежь стрижется, наголо?

– Кто как, кто наголо...

– Подстригусь я наголо, пожалуй!

И как ломанется в троллейбус!

Надя:

– Я понимаю, не у меня одной сегодня день рождения!

Потом приехала Любаша. Мы пошли на Фонтанную площадь, посидели в открытом кафе, пили «Дюшес» и ели мороженое. Болтали обо всем на свете.

Решили ехать в Арбеково, самый дальний район Пензы, мы там еще не лазили.

Ехали туда, как нам тогда казалось, вечность, Люба рассказывала:

– И вот мы как-то пасли козлят в Ольшанке. В школе еще.

Я взяла учить историю, Олеська – химию. А козлята полонились в орешник! Там было два... нет, три козла, по-мому, две козы и козлята. В общем, целое стадо козлов... И Олеська – Козлова!

Хохотали на весь троллейбус. Приехали неизвестно куда, побродили среди жилых домов да поехали обратно!

***

Апрель атаковал город.

Во дворе появлялись первые нежные ростки нарциссов и флоксов. Солнце жарило со всей силой, трава рвалась ввысь.

Той весной я впервые участвовала в соревнованиях по легкой атлетике, посвященных годовщине победы 9 мая.

Бежала последний этап, мы тогда заняли третье место среди всех СУЗов Пензы.

И с этого забега началось мое увлечение легкой атлетикой. Как потом оказалось, весьма судьбоносное...

Сессию я сдала на одни пятерки. Читала в зачетке на последней страничке: «Решением государственной аттестационной комиссии...»

Не верилось, что когда-нибудь эта страничка будет заполнена.

И не хотелось...

***

Потом была полевая и производственная практика.

На полевой практике мы всем курсом с преподавателем фармакогнозии ходили в лес, что на Западной Поляне, изу-

чали растения, так сказать, в их естественной среде произрастания.

Где-то в глубине этого лесопарка находилась на берегу небольшого пруда гостиница «Ласточка». Там было назначено место привала.

Но пока наша небольшая группа до нее добралась, мы успели два раза заблудиться. А пока блуждали, пели песни, народные и те, что были популярны тогда. Голосили мы здорово!

Добрались до озера, там уже все вовсю подкреплялись взятыми с собой припасами. Мы тоже присоединились к пирующим, потом набрали воды из родника и отправились по домам.

У меня дома мы с девчонками забрались на крышу сарая и провалялись там три часа. Дед, увидев нас, заявил:

– Загорели, аж белые!

Любаня, поливая нашу капусту, обливалась горячими слезами тоски по своей родной Ольшанке. А мы, хохоча, называли ее деревню Польшей.

На следующий день мы туда и отправились!

Деревенька эта находилась километрах в пяти от Пензы, недалеко от пустыющего аэропорта. С трех сторон она была окружена живописными рощицами, где Любаня в нежном возрасте пасла козлят, а с четвертой – высоким холмом, с вершины которого открывался потрясающий вид на Пензу. Вот мы облазили весь этот холм, Люба окунулась в накопи-

теле, там местные мальчишки, загорелые уже в начале июня, всюду барахтались в мутноватой воде.

Домой возвращались с обгорелыми плечиками и носами, а бабуля моя заявила:

– Иди, ноги мой. Они у тебя грязные, будто ты в тундре лазила...

***

На Духов день мы в обязательном порядке обливались водой. И надо было, чтобы неожиданно, из-за угла. Женька и Стаська подкарауливали меня везде и плескали из ковшиков, а я носилась за ними по всей улице, будоража местных собак.

Купаться ездили на пыльных велосипедах на Косу, пляж в районе Гидростроя. Там была искусственная насыпь песка, и при сильном ветре Сура накатывала зелеными волнами на берег, ничуть не хуже, чем на море. Все, что движется, покрывалось обалденным загаром.

А на моем столе розовели пионы, здоровые, будто капуста. И это означало – лето!

С пятнадцатого июня началась производственная практика в областной больнице имени Н. Н. Бурденко.

Мы с Любой в этом огромном здании чувствовали себя, как песчинки в океане, а Надя проходила практику в другой больнице.

Работали в травматологическом отделении, возили больных на операции и обратно, помогали сестрам делать повяз-

ки, раздавали еду по палатам, фасовали вату и бинты.

И вот там-то Любовь Сановна и познакомилась со своим будущим мужем!

Он лежал с переломом пальца на ноге. В наш первый день мы развозили обед. Люба своей тележкой чуть было второй перелом ему не обеспечила.

Он как-то неудачно вышел из палаты, прямо на нас с перловой кашей.

– Ой...

– Здрасьте...

И все. И точка.

***

Евгений пригласил нас в гости. Жил он на противоположном берегу Суры, как раз напротив нашего пляжа. Но ехать пришлось через весь город.

Мы договорились с Любой встретиться на Лермонтовке в половине шестого вечера. А днем выяснилось, что бабуля собралась к моему двоюродному брату Сережке в лагерь. Естественно, со мной.

Я звоню Любане, она в коме. Сидит, поди, губешки надула, ну, я ее успокоила, сказала, что буду в шесть у нее.

А выехали мы обратно из лагеря в двадцать минут седьмого...

В общем, в семь я робко стучалась к ней в дверь. Открывает она мне с непередаваемым выражением лица...

Поехали мы, как на картошку. Я в старых шортах и топи-

ке, в котором огород поливаю, на голове ураган. У Любани челка не в ту сторону, губы не накрашены и вся пятка в пластыре.

Однако нам «фиолетово», едем, хохочем.

Считаем остановки, Евгений объяснил Любе, что нам выходить на одиннадцатой от вокзала, а она поняла, что через одиннадцать. А он ей сказал, что остановка называется «Магазин Берег».

Ну, считаем остановки, тут дверки захлопываются, и мы проезжаем аккуратно мимо магазина «Берег» ...

Обратно топали. Потом искали улицу его, нашли и дождь начался.

Он нас встретил, угостил клубникой, фотографии показал, телевизор посмотрели.

Домой вернулись в половину двенадцатого. Бабуля моя визжала, как потерпевшая.

***

После практики мы все сдали экзамен по клинической патологии и расстались до первого сентября. Девочки уехали домой, одна в «Польшу», другая в Каменку.

Одиннадцатого августа мы со Стаськой и Женей смотрели на солнечное затмение через маски для сварки, а потом решили отметить это событие званым обедом.

Я приготовила архангельскую похлебку с лисичками, Стаська сделала фаршированные перцы и салат. Женька была на подсобках.

Потом пошли на речку, прошел ливень, и берег был пустынным. Только вдалеке на мостках рыбачили мужички. Мы с Женькой устроили «дикий» пляж, ныряли без лифчиков, а Стаська визжала: «Девчонки, оденьтесь! Там, может, мой папа рыбачит!»

Поднялся теплый ветер, мы забрались на холм, поросший жесткой травой, и стали изображать Ди Каприо с Уинслет на носу «Титаника». Я орала: «We flying! Flying! ».

Неизвестно из-за чего девчонки разругались и закинули свои шлепки в речку. Те благополучно уплыли на другой берег. Эти две маруси разревелись, и мне пришлось плыть одной за их обувкой, чего я никогда не делала – река была широкой, противоположный берег пустынный и заросший ивами. Плыла, зажмурившись, стараясь не думать о глубине под собой и отчаянно загребая воду всеми конечностями. На берегу покидала их шлепки, и весь оставшийся день с девчонками не разговаривала.

***

Лето близилось к концу, вечера становились прохладнее, и в уголке неба появлялся осенний Северный Крест.

Я скучала по колледжу и считала дни до первого сентября.

Наконец этот день наступил, мы все встретились и уверенно вошли во второй курс.

Хотя «уверенно» – это сильно сказано.

Навалились новые предметы, в основном, специальные. И если на первом курсе я играючи изучала неорганическую хи-

мию, знакомую еще со школы, то с фармакологией, технологией приготовления лекарственных форм, организацией и экономикой фармации у меня сложились непростые отношения. Но страстные!

Тогда же я начала серьезно заниматься легкой атлетикой. Преподаватель физкультуры Николай Никитич создал секцию и пригласил тренером нашей команды молодого выпускника факультета физкультуры Пензенского педагогического института. Звали его Игорь Сергеевич.

«Прямо как Плахов из «Убойной силы», – сразу же подумала я.

Был он высокий, худощавый, в затемненных очках. С нами подчеркнуто вежлив.

И тренировались мы каждое утро или на стадионе «Труд», или в парке имени Белинского на тропе здоровья, которая серпантинном уходила вниз по склону, до самого родника в виде самовара.

А после тренировки, наскоро обтеревшись в раздевалке спортзала, с дрожью в ногах бежали на занятия во вторую смену, успев перекусить в студенческой столовке.

Игорь познакомил нас со своими друзьями – Вовкой, Мишкой и Толиком. Все они были выпускниками того же факультета, но Толик работал с детишками в секции велоспорта, а Вовка с Мишкой служили в ФСБ.

Толик как-то рассказывал нам о работе Мишки:

– Девчонки, у него такая трудная работа, ему каждый день

человек трех приходится убивать...

Тут входит Мишка со словами:

– Фу-у, трудные люди сегодня попались...

Как мы от него шарахались! А он не понимал, в чем дело, пока Толик не рассказал о своей «милрой» шутке!

Вечером мы часто оставались в нашем спортзале и играли в баскетбол без правил. Играли до потных футболок, до ободранных локтей, а однажды мне поставили синяк под глаз, и я неделю ходила с челкой до подбородка, как Земфира. Каждый раз после игры мы надолго оставались в тренерской, болтали, пили чай, смеялись...

Я жила тогда этими встречами, каждый раз волнуясь, словно чего-то ждала...

***

Тем временем приближался 2000 год.

До середины ноября все было укрыто белым снегом, и не проходило ощущение Нового года. Но вдруг все растаяло – рано мы радовались. Зима не торопилась, и небо было такое выцветшее, безликое, посмотришь – тошно становиться.

Вот в такую погоду, когда этот дождик целый день кап-кап, мысли всякие лезли, и хотелось бежать.

И тогда я просто делала два смешных хвостика, скакала на кухне придуманный летом танец и думала о Сашке.

Не сказать, что очень легко от этого становилось, но почему-то настроение поднималось.

А 17 ноября в Международный день студента мы с Игорем

ездили играть в баскетбол к Толику в спортзал той школы, где он работал. Побегали до круглого счета, а потом сидели у Толика в тренерской, ребята травили анекдоты, а мы смотрели фотографии Толика с соревнований в Финляндии.

Игорь нас спрашивал:

– Знаете, что такое черная икра? Это икра из кабачков, съеденная в темноте!

Ноябрь стоял морозный, рыжая луна висела над городом, ветер завывал по переулкам.

Ежегодный конкурс среди групп первого курса повторился, только я на этот раз из участницы превратилась в ведущую. Такая ностальгия накатывала...

В декабре были выборы в Государственную Думу, я голосовала в первый раз. Помнится, мне подарили три гвоздички, блокнот и ручку. Я безумно радовалась и гордилась. И тогда меня впервые назвали по имени и отчеству:

– Поздравляем Вас, Екатерина Викторовна...

Под Новый год повалил снег, весь двор занесло, и по утрам я с удовольствием махала лопатой, расчищая путь до туалета. А когда дед топил баню, мы с девочками, напарившись, выскакивали голышом в огород, черпали полные тапки снега и кидались в бане снежками. Визг, хохот, пар от горячих тел и дым коромыслом!

Зачетная неделя пролетела незаметно, я ни одного экзамена не сдала – мне все так поставили, заочно.

28 декабря мы все попрощались до нового года и ушли на

каникулы.

***

В последний день декабря я думала – день уходит, вместе с ним год. А в этот раз и век, и тысячелетие... Мы, как всегда, остаемся.

Было непередаваемое чувство – мы видим смену тысячелетий!

Все дни каникул я проводила с Женькой и Стаськой, мы катались на горке, приходили домой все мокрые, как первоклассники, играли в карты в «осла» и «кукареку».

А каникулы пролетели незаметно, и в первый день второго семестра я притопала в «фармуху» к половине восьмого на дежурство в гардероб.

Игорь уехал на заработки в Москву, наши тренировки временно прекратились. Иногда он приезжал, и мы по-прежнему встречались и играли в баскетбол. Но встречи стали реже и от этого еще долгожданнее.

На Татьянин день в торговом училище был слет молодежи «Я – лидер». От нашего колледжа ездила группа, куда вошла и я. Впечатления у меня были – в голове не помещались! Еще там нам всем дали по три приглашения на дискотеку в модный клуб «Mix Up», и я девчонок подбила пойти всем вместе. Вот и пошли: я, Любаша, Надежда, Ленка и Наташка. А приглашений три! Ну, Наташка пролезла с какими-то дядями с телевидения, а Ленку мы втихаря протащили, навешав лапшу тете в дверях.

Ди-джей был что надо, мы здорово оторвались, хлебнув пивка и затянувшись «Петром». Скакали до седьмого пота, и тут нарисовался Санька – стало еще веселей.

День студента прошел отлично.

***

В начале февраля стали происходить странные вещи. Мне попалась книжка Луизы Хей «Исцели себя сам», которая здорово прочистила мозги. В ней были простые психологические установки – я люблю этот мир, я люблю людей, все будет хорошо и прочее. Так вот, тогда я всю окунулась в эту идеологию, я почувствовала приближение чего-то значимого в своей жизни.

Фраза, которая меня потрясла, оказалась пророческой: «Удивительно, но с того момента, когда вы заявили о своем стремлении к переменам, Вселенная начинает вам помогать».

Я ждала и надеялась. Что-то витало в воздухе, что-то неуловимое, как шлейф духов, оставленный прошедшей мимо незнакомкой.

И вот Вовка пригласил нас поиграть в баскетбол у Толика в школе. Мы там уже играли, но всегда с Игорем, а в этот раз он опять был в Москве.

Девчонки трусили ехать без него, а я не чувствовала напряжения и только волновалась из-за выбитого сустава.

Итак, мы с девчонками прогуляли фармакогнозию и поехали на игру с ребятами. Оказалось, что Толик пригласил

еще одного своего друга с братом, так что народу собралось прилично. Друга его звали Андрей, он преподавал в артиллерийском училище.

При незнакомых парнях мы чувствовали себя не так свободно, как обычно. Однако, поиграв, девчонки расслабились и общались с ними, как со старыми знакомыми.

Я не участвовала в общем разговоре, а сидела в сторонке и листала журнал. На одной странице была фотография мощного атлета с татуировкой на бицепсе в виде дракона.

– Ух, ты! – вырвалось у меня.

– Что, нравится?

Я не заметила, как брат Андрея подсел рядом.

Глянула на него – был он невысокий, крепкий, с модной стрижкой. Казался слишком серьезным и смотрел прямо холодными серыми глазами.

– Ну, да, – ответила я.

– Вообще-то, не очень профессионально сделано. Вот здесь поглубже тень надо было пробить...

– А ты, что, в этом разбираешься?

– Я эти занимаюсь. Так сказать, хобби.

– Да ладно...

– Не веришь? Хочешь, тебе сделаю?

– Не-е-ет, – засмеялась я.

– А что?

– Нет, мне не надо, я не хочу.

– Странно. Я вообще подумал, что у тебя тату уже есть.

Где-нибудь... м-м...

– Нету, – отрезала я, – и не будет.

– Ну-ну. Понятно.

Я силилась вспомнить его имя. Андрей пришел мне на помощь.

– Что, Димыч, девчонку по боди-арту просвещаешь?

Тот натянуто улыбнулся. К нам подседа Маринка, и разговор пошел на общие темы.

Стали расходиться по домам. До остановки идти было далеко, февральская ночь нас сразу охладила, почувствовалась усталость после игры.

А Дима шел рядом, что-то рассказывал о себе, иногда отпуская веселые шуточки, я посмеивалась.

Он неизменно подводил разговор к татуировкам, рассказывал, как начинал, о мечте своей – купить полную энциклопедию.

– Ты знаешь, я ведь не здесь живу, – говорил он. – Все дома осталось, машинка, краски. Так по работе соскучился. Давай, может, тебе сделаю, а? Ты не думай, без денег, просто так. Очень хочется... А тебе пойдет, у тебя характер такой.

– Какой? – не удержавшись, втягивалась в разговор я.

– Не знаю, сразу не определить... Сильный, что ли...

Только чувствую – ты классно с тату будешь смотреться!

– Ну, я об этом никогда не думала...

– Да что тут думать! Я завтра машинку из дома закажу, мне ее передадут с проводником, окей?

Мы стояли на остановке чуть в стороне от других. Я терялась, весь этот вечер прошел, как в тумане.

Его напор меня просто обезоруживал.

Подошел автобус, я молча посмотрела ему в глаза и двинулась к открытым дверям.

Дима остановил меня за рукав куртки.

– Давай завтра, на Лермонтовке, в час дня. Смотри, не подведи, я ребят напрягать буду.

Мысли разбегались. Я ехала в толпе, а будто одна в пустыне. Наедине с собой и своими первыми в жизни метаниями.

***

– Ну, ты, блин, леди! – Дима улыбался. – Ровно пятнадцать минут, я уже уходить собрался!

Я смущенно выдавила из себя:

– Извини.

Мы ехали в переполненном автобусе, близко-близко, так, что я чувствовала еле уловимый аромат туалетной воды вперемешку с сигаретами. От этой смеси кружилась голова, я отводила глаза и демонстративно молчала.

Дома он занялся приготовлениями, а я как-то странно успокоилась и с любопытством полистала журнал с фотографиями потрясающих татуировок, который он принес, чтобы чем-то меня занять.

Потом он задумчиво глядел на меня, решая, чтобы такое сотворить. Был похож на художника, и во взгляде чувствовалось вдохновение.

– Давай на плече что-нибудь изобразим... Ты по знаку зодиака кто?

– Весы...

– Вот, отлично. Свитер снимай.

Понимаете, кто-то говорил мне, что у спортсменов притуплено чувство стыдливости, а я ж тогда легкой атлетикой занималась, да еще и в баскетбол играла. Спортсменка, комсомолка, просто красавица, блин...

В общем, чувство стыдливости у меня было не просто притуплено, а отсутствовало начисто!

***

Вот так у меня появилась татуировка. На плече. Но не знак зодиака, а что-то непонятное, в виде кельтских узоров. Дима утверждал, что она как раз под мой характер. Ну, мастеру виднее...

И мы стали встречаться.

Жил он в другом городе, приезжал редко и неожиданно, всегда ломая мой спокойный порядок жизни. Поэтому и встречи наши можно было по пальцам пересчитать.

А я сходила с ума. Он был первым моим близким человеком, хотя по-настоящему мы не были близки. Нас влекла друг к другу какая-то животная страсть, но доверять свои мысли я ему не могла. Может, от того, что мы редко виделись, и нам просто не хватало времени на беседы по душам, а может, от нашей боязни привыкнуть друг к другу. Ведь это означало бы зависимость, а он, как мне казалось, этого не

хотел.

Песня Земфиры «Девушка созрела» отражала мое тогдашнее состояние. Я была пьяна, «уже который день» ...

Но вечно это продолжаться не могло.

И как-то однажды, в последний день апреля, прожив безумную весну 2000 года, я села в маршрутное такси и посмотрела в его глаза. Мы ни слова не сказали друг другу, да это и не надо было. Все было и так понятно.

Только вся группа сходила с ума по моей татуировке!

***

Игорь окончательно уехал в Москву, а нам надо было готовиться к очередным соревнованиям в мае. Поэтому Никитич пригласил нового тренера – Анастасию Игоревну. Она была не чета доброму Игорьку, гоняла нас почему зря. Приползали мы с тренировок еле живые, группа удивлялась – и охота нам так над собой издеваться? А нам тренировки были необходимы, как воздух, мы уже и не представляли себя без них!

Май начался снегом. Странно было видеть цветущие вишни во льду. Майский снег прикасался к земле, так упрямо лишая надежды...

Надежды на встречу...

Конечно, я нескоро его забыла. Но жизнь не давала скушать!

В конце мая заканчивался сезон тренировок по легкой атлетике. Анастасия Игоревна пригласила нас всех отметить

наши успехи на лыжную базу в институте.

Это был финиш!

Мы, как примерные девочки, отсидели три пары и пошли в нашу тренерскую ждать Маринку. Тут Никитич дает нам деньги и велит трусцой бежать за пивом, водкой и всем остальным. Приходит Маринка, у нас сейшн полным ходом, у нее глаза на лоб. Копченый лещ под водку, конечно, супер...

Пошли мы в таком виде на лыжную базу, я бормочу:

– Так, бабоньки, делаем трезвые лица, идем красиво – на нас смотрят...

Там опять же водка и «Золотой петушок». Нам хватило по самые помидоры...

Песни пели с Анастасией Игоревной и двумя преподавателями с факультета физического воспитания.

Вернулись обратно в спортзал, а там Никитич, уже такой «волшебный», и друг его какой-то. Опять пиво и спирт разбавленный, но я уже была пас. Домой стали расходиться, но девчонки уволокли меня к Толику на квартиру. Заваливаемся мы все к нему, дверь нам Мишка открывает, спокойный, как удав, и с ночной смены. Ну, уж у Толика я только чай и пила.

А тут пришел Андрей, вино принес. Поулыбались мы друг другу:

– Тебе, – говорит, – привет от Димки...

Ах, спасибо большое, ошастливили...

Домой я вернулась в одиннадцать вечера и стала самоотверженно готовиться к зачету по фармакологии.

***

Прошли зачеты, и у нас началась практика в аптеке. Нас с моей подружкой по легкой атлетике Настеной распределили в большую производственную аптеку аккуратно напротив работы Вовки и Мишки.

– Теперь ФСБ от нас не отвертится! – радовалась она.

В аптеке все было безумно интересно. И по-настоящему готовились лекарства, и не лень было мыть баночки из-под жирных мазей.

Я набрала рекламок современных препаратов, с тех пор у меня просто мания тащить домой любую макулатуру, если только там встречается хоть намек на фармацию.

Но в аптеке мы торчали только до половины первого, все остальное время я была свободна, как ветер.

И опять начинались походы на речку, работа в огороде, езда на велосипеде по всей Терновке. Опять начиналось лето!

***

Тем летом я и мои Женька со Стаськой познакомились с целой компанией терновских мальчишек. Мы вместе ходили на озеро в Пушкарях, и весь пляж таранился на мою татуировку.

Как-то вечером я сидела на крылечке, смотрела на небо. Облака были тонкие, слегка подсвеченные солнцем. А потом

неожиданно налетел ветер, и небо сделалось тревожно-желтым, неестественным! Ливень пошел, но не из тучи, а из какой-то дымки, вроде тумана, сквозь которую сверкало закатное солнце. Все это напоминало сон, я больше такого никогда не видела. Это было очень красиво. Но небо быстро разгладилось, и облака ушли на восток.

***

В то лето у меня появилась новая игрушка. Его звали Лешик, ему было семнадцать лет, и мне он дико нравился. По вечерам мы всей толпой сидели на скамейке у моего двора, он смотрел на меня огромными глазами и таинственно улыбался. Так мы с ним улыбались все лето, а потом тоска прошла, и мы стали просто друзьями. Я переводила для него задания по английскому, а он чинил мне мопед. Девушка у него была, вот поэтому к активным действиям мы и не переходили. Он боялся с ней осложнений, а я не умела отбивать парней.

Вторая половина июня выдалась дождливой, только ночи были ясными, звездными. Мы порой засиживались до утра под трели соловьев в ветлах на Заовражной.

В июле пришла жара, начались поездки на речку. А однажды ребята взяли нас на Барковку, лучший пляж на Суре. Поплыли мы в лодке с символичным названием «Титаник», намалеванным на борту синей краской. Пока доплыли, чуть не перевернулись, оправдали бы название. Набилось нас человек десять в эту лодчонку. Ну, доплыли, а пляж действи-

тельно потрясающий!

Этим же летом дед начал пристраивать новую кухню, чтобы из старой сделать мне отдельную комнату. Я безумно ее хотела и в итоге получила.

Обои сама выбирала и клеила, до полпервого ночи.

И вдруг начался сентябрь и последний третий курс.

***

Сентябрь пылал золотом и пурпуром!

Напротив нашего колледжа полыхал клен, казалось, единственный во всей Пензе. Березы на стадионе «Труд» стояли все в золотых дорожках. В парке Белинского пахло прелой листвой и грибами, по утрам дорожки затягивало туманом. Осень дышала полной грудью, а налитое за лето синим цветом небо постепенно светлело, становилось хрустальным.

Наши игры в баскетбол стали такими редкими, Игорь уехал, казалось, навсегда. Ребята приходили в колледж, но перекидывались с нами парой фраз и бежали дальше по своим делам.

Но однажды Вовка объявил нам, что Игорь приезжает на несколько дней! Естественно, без игры наша встреча никак не могла обойтись. Мы боялись даже мельком упоминать о предстоящем событии, чтобы ненароком не сглазить, не спугнуть удачу.

Пятого октября на площади Ленина встречали олимпийских чемпионов Игоря Лукашина, Юлю Пахалину и Наталью Лаврову, героев Сиднея.

Мы с Анастасией прогуляли технологию, чтобы только посмотреть на эту церемонию. Там же был и Вовка, в качестве «коллеги по цеху» олимпийцев. Он, оказывается, участвовал в Олимпиаде-96 в Атланте.

После церемонии бежим в колледж, заходим в спортзал и...

Настя просто опустилась от бессилия на пол. Все тренажеры из качалки были выставлены в спортзал, а в самой качалке красили стены! Настена от обиды разревелась, причитая без конца: «Я так и знала, я так и знала, что-нибудь нам помешает!»

Успокаивала ее, как могла, говорю, смотри, вот эти можно убрать, эти передвинуть, да успокойся ты, что-нибудь придумаем...

В итоге, успокоившаяся Анастасия мстительно заявила, что кого-нибудь убьет, если наша игра сорвется.

На следующий день после учебы Анастасия Игоревна как следует погоняла нас на тренировке. Мы штурмовали крутые горки в парке по пять раз с перерывом по две минуты, и это не считая разминки, пробежки и специальных упражнений, по-нашему «спецов». То, что мы выжили после этого – подвиг! Но еще больший подвиг мы совершили потом. После всех «кругов ада», которые скрашивались потрясающей красотой осеннего парка, мы вернулись в спортзал, поиграли в волейбол и без ног, в прямом смысле этого слова, начали перетаскивать все тренажеры из зала на лыжную базу,

соседнюю комнату. Перепачкались, но перетащили все, кроме четырех здоровенных тренажеров, которые прислонили к стене и закрыли щитами. Спортзал был готов!

И к семи вечера собралась вся наша компания, пришел Игорек, мы визжали от восторга. Играли по пять человек в команде, носились часа два, дико устали. Потом мы с Вовкой пошли до Лермонтовки, а остальные по Красной улице до магазина «Корона».

И это был последний раз, когда мы все вместе играли...

***

Заканчивался семестр, и это означало, что все вместе мы будем всего лишь полгода. Мы часто разговаривали с девочками о том, что с нами будет после колледжа, где мы будем работать, чем жить. Обещали друг другу встречаться, переписываться, созваниваться...

В декабре Настя и Лена переехали в отдельную квартиру без хозяйки, в Арбеково. Мы отмечали новоселье и называли это буйство «репетицией встречи Нового года».

Стола у нас не было. Тогда мы сняли дверь, вместо скатерти сгодилась простыня, а Настеныч со знанием дела разбавила спирт. Знакомые ребята из Кузнецка принесли шампанского и водки. Настя мне говорит: «Ну, мы все-то пить не будем, оставим литра два на Новый год...»

Наивная...

В итоге, было выпито все до последней капли, были зажигания под безумную «Я сошла с ума» Тату и прочее. Весело.

Мы тренировались в спорткомплексе «Рубин». Больше всего мне нравилось покрытие беговых дорожек, на котором так здорово пружинилась стопа, когда бегали на ускорение в «шиповках». Часто там мы встречали Андрея, брата Димки. Он подходил, болтал с нами, трепал меня по волосам, как младшую сестренку. В принципе, я к нему и относилась как к брату, ведь он был старше меня лет на десять.

Как-то мы пошли в «Рубин» на соревнования, бежала наша Анастасия Игоревна и другие мастера спорта. Вот мы и болели за нее. Там же был и Андрей, все смеялся с нами. Любимой забавой его было схватить меня и взлохматить. Я отбивалась, пища что-то невразумительное, и вдруг услышала голос:

– Да ладно, отпусти девчонку...

Дима...

Привет – привет, как дела и больше ни слова...

Настя заявляла, что в тот момент на мне лица не было. Я была склонна ей верить.

***

Забытый было его образ опять начал меня преследовать. То мне казалось, что эта встреча была неслучайной, то наоборот, что мы больше никогда не увидимся, и все напрасно! В общем, металось мое бедное сердечко, взбудораженное парой фраз, которыми мы перекинулись.

В конце декабря у Вовки был день рождения. Мы решили заскочить после колледжа к нему на работу и поздравить. А

работал он, как уже упоминалось, в ФСБ, точно мы не знали, кем. В это раз дежурил. Мы купили ему открытку и впервые робко вошли в здание на Московской, 72.

Стоим, тихонько переговариваемся. Бегут мимо нас какие-то дяди в кожаных плащах, мельком нас оглядывают.

– Это кто еще такие? – строго спрашивают Вовку.

– Мы сейчас уйдем! – бесстрашно заявляю я.

Тут дядя внимательно на меня смотрит и говорит:

– Да нет, девчонки, уходить не надо. Надо органам помочь. Сейчас будет опознание, так вот вы нам очень статистами подходите...

Мы непонимающе смотрим на Вовку, тот непонимающе смотрит на дядей.

Те бросают:

– Мы сейчас... смотри, никуда их не отпускай!

И побежали дальше.

Настя мотает головой и шепчет:

– Э-э, нет, я боюсь, еще попадем куда-нибудь... Не-е, не пойду никуда!

– Да ладно, тебе, трусиха, зато посмотрим, как ФСБ работает! Ну, что, Вов, идти нам, что ли, этими... как их?

– Да я сам ничего не пойму... Вообще, не в курсе, о чем они... Но вы не бойтесь, ничего плохого не будет.

Дяди вернулись с двумя молодыми пареньками, выловленными на улице, которые стали понятыми.

Нас четверых завели в кабинет с решетками на окнах,

прикрученной к полу скамьей и пустым столом. И оставили одних.

Мы познакомились с ребятами, они оказались из родного Настиного Кузнецка. Время тянулось, от нечего делать мы стали дурачиться.

– Это, наверное, комната для допросов, – я уселась на скамью, сложила руки за спиной.

Настена мерила шагами пространство перед столом.

– А где вы были прошлым вечером? – вдруг развернулась она ко мне и заорала в лицо.

Мы смеялись, Настька выстукивала стены: «Тут у них где-то тайник должен быть...»

Так прошло часа полтора, а дяди, помнится, говорили о двадцати минутах, не больше...

Наконец они появились и повели нас в соседнюю комнату, где проходило следственное опознание девушки, которую задержали с килограммом героина...

И наше веселье улетучилось в миг!

Сразу пришли мысли, насколько это все серьезно и даже страшно.

Мы даже напряглись немного, когда парень указывал на нее...

Но, в конце концов, все закончилось, мы подписали пять листов протокола и выскочили из здания, переводя дух.

Тут же заскочили в кафе «Рождественское» и взяли пива. Стресс снять...

***

В Новый год шел дождь, а утром ударил мороз.

Мы встретили 2001 год на квартире у девчонок, в обед первого января пришел Вовка с домашним вином.

Я сходила с ума по группе «Плазма», в тот январь все радиостанции крутили «The Sweetest Surrender».

На Рождество мы с Женькой и Стаськой кидали валенки в огороде и определяли сторону, откуда придет суженый. Кувыркались в снегу, как медвежата!

Январь был похож на март, с крыш капало, пахло свежестью и весной.

Но зима не спешила расставаться со своей властью, и февраль завьюжил, отыгрываясь за неприлично теплое начало года.

В последний день января я познакомилась на дне рождения Стаськи с ее двоюродным братом Максом. Мы довольно тесно пообщались и, наверное, понравились друг другу.

Повстречались мы с ним две недели и разбежались... Точнее, ушла я, вытерпев жуткий разговор на кухне.

А на следующий день произошло событие, которое не даст мне покоя до сих пор...

С утра я натопила себе баньку, от души напарилась и вся розовая, как поросенок, уселась перед зеркалом сушить волосы.

И тут в моей комнате появился Дима...

Из розовой я превратилась в пунцовую. Сердце бешено

стучало, во рту пересохло. Я не понимала, что со мной творится и главное, почему. Прошел ровно год, день в день, со дня нашего знакомства, он приехал, зачем? Я почти не слышала его слов, не понимала смысла фраз. Отвечала невпопад, мысли крутились вихрем в голове.

– Я за тобой, поехали ко мне...

Услышав это, я обомлела. Голова тут же сделалась пустой. И все мое существо кричало «да», но...

Я ответила «нет».

– Почему?

Мне нечего было ответить, я не понимала саму себя. Подумала о бабушке, о том, что она будет жутко волноваться, если я уеду с ним на ночь...

Прямо сказала ему об этом, в душе понимая, что он не поймет.

Так и вышло.

– Мне все ясно, ты не хочешь! Ладно, пока.

И он исчез, на этот раз навсегда.

В тот момент я ненавидела весь мир... И себя...

***

А в колледже шли последние лекции, практики, семинары. 12 апреля мы прощались с колледжем и уходили на производственную практику в аптеки.

Мы с Настей проходили ее все в той же аптеке, что и в прошлом году.

Мне было грустно, и спасали от хандры только бесконеч-

ные тренировки – Анастасия Игоревна усиленно готовила нас к майским соревнованиям. Так усиленно, что часто было ощущение деревянных ног, и Настя смеялась: «Мы как Буратины на протезах!»

Последние наши соревнования были тоскливыми, уже пропал тот задор прошлых лет. Мы понимали, что вместо нас придут другие, и других будет тренировать Анастасия Игоревна, других будет расставлять Никитич по этапам...

Мы прощались с колледжем...

И 26 июня 2001 года, сдав госэкзамен, я увидела такую далекую, как когда-то казалось, запись в зачетке «Решением государственной аттестационной комиссии...»

Эти годы больше никогда не вернуться. Никогда мы больше не будем писать лекции, отвечать у доски, разбирать рецепты. Не будем встречаться у фонтана, бегать в «Рубине», скакать на дискотеках...

Но будем помнить о них всегда!

15-17 декабря 2007г.

Москва

Охота на мгновения

1

Вечер. Ливень. На асфальте дрожащее море огней.

Лица прохожих выглядывают из-под зонтов, хмурятся; губы сжаты в тонкие полоски, в глазах – вечная тревога и недовольство.

Присматриваться некогда, мы бежим мимо друг друга, нам никто не интересен.

Но, стоп...

Вдруг, вспышкой, фантастическим в такой мгле солнечным зайцем, никого не слушаясь и не спрашивая, лукаво подмигнет тебе улыбающееся лицо, и секунду назад ты его не знала, не видела, а вот теперь – родные! Навсегда!

Даже несмотря на то, что это – водитель туристического автобуса, проезжающего мимо тебя.

Ты только и успеешь, что улыбнуться в ответ...

А вечер уже поёт! Ливень ликует!

2

Иногда чудо просто в том, что вот ты бежишь по Чистопрудному бульвару, торопишься, не думаешь совершенно ни о чём и вдруг замираешь перед посольством Казахстана, с восторгом разглядывая просто потрясающие гроздья рябины в снегу. А замираешь ты потому, что рядом стоит женщина и тоже в полнейшем восторге говорит: «Боже, какая рябина!»

И ты отвечаешь ей: «Да, классно!» и бежишь дальше. Такие маленькие чудеса.

3

Когда морозный ноябрьский день начал тонуть в синеве сумерек, в глазах собеседника вдруг появилась Тайна.

Мы говорили о погоде и работе. Почему-то люди выбирают именно эти темы, когда общаются впервые. Будто больше нет в мире ничего интереснее!

Но обсуждать температуру воздуха за окном и ежедневную рутину с 9 до 18 безопаснее.

До того момента, пока оба не поймут, что хотят спросить друг друга о чём-то... совершенно ином... о чём-то секретном...

Вот тогда и появляется в бездонных зрачках Тайна.

И единственный вопрос стучит в висках: что ты сейчас чувствуешь?

Любопытство... Дрожащее влечение...

А потом, натолкнувшись на прямой мужской взгляд, в котором плещется плохо скрываемое возбуждение вперемешку с насмешливостью, ты уже не в силах спокойно, даже надменно, смотреть ему в глаза.

И он это чувствует.

Я никогда не притворялась. Когда мне нравился мужчина, он обычно это понимал сразу (ну, если не полный идиот, конечно... хотя идиоты мне никогда не нравились).

И наши взгляды в глаза друг другу отметили любую необходимость что-либо произносить.

Разве что приличные банальности о работе и погоде...

4

Этой зимой все деревья стояли, скованные ледяным пленом. Прошёл дождь, а через секунду ударил мороз, и стекающие капли превратились в острые пики хрустального льда. На солнце эти пики сверкали бриллиантовыми искрами, и казалось, что с неба спустилось войско ангелов и встало на страже.

5

– Ой, смотрите, какой туман! Мы сейчас будем как ёжики в тумане!

– Странная песня, про каких-то дельфинов...

– Ну, у кого дельфины, у кого ёжики... Это всё зависит от качества травы...

И мы расхохотались, как сумасшедшие!

Лента шоссе привычно убегала вперёд, мерно гудели машины сбоку, и впереди, и сзади.

Ну, а потом мы, конечно же, встали в пробку, еле плетясь – Ярославка сузилась до двух полос из-за ремонта.

А по правой стороне, то исчезая за далёкими полосами деревьев, то снова взмывая над их верхушками, медленно поплыла луна. Огромным белым блином, с чуть неровным левым краем и сероватыми пятнами по центру.

В тот момент, когда мы свернули с освещённого шоссе

на глухую бетонку, ведущую в деревню, луна стала нашим единственным фонарём.

Но он сиял ярче всех тех фонарей, что мы оставили на трассе.

И мы молчали, думая каждый о своём.

6

Серенькое, пасмурное утро к обеду вылилось в яркий летний день с душным запахом травы, оглушительным стрекотом кузнечиков и взбитыми в крутую пену облаками, неподвижно висящими в синеве июньского неба.

Нам вздумалось пойти в деревенский магазин за мороженым. Идти было не так, чтобы далеко, к тому же Таша сказала, что мы срежем путь через овраг.

Мы спустились по скользким ступеням, выдавленным в земле, вниз, в полумрак и влажную прохладу.

В овраге звенело комарье, солнечный луч косо ложился на мшистые брёвна рухнувших деревьев.

Овражек был небольшим, весь в буреломе. Мы быстро пробрались по узкой, мокрой тропке и стали подниматься вверх, обратно к жаркому солнцу.

Вышли к просеке, через которую шла высоковольтка. Солнце жарило с невероятной силой, в воздухе лениво разливался аромат шиповника, и не чувствовалось ни малейшего дуновения.

А прохлада оврага осталась там, внизу.

7

Зима долго топталась на пороге, собираясь с силами и раздумывая. К концу ноября она припорошила асфальт хлипким снежком, который исчез на следующий день.

Темнело тут же, рассвет не успевал перейти в день, да и не было его вовсе, этого рассвета.

Стояли вечные серые сумерки, под ногами прохожих несчастные мокрые снежинки превращались в жидкую грязь.

Зима разозлилась на столицу. И не пришла.

8

В январе пошёл пушистый снег. Он щекотал лица прохожих и ложился серебристой пылью на капоты автомобилей. Он был похож на мельчайшие клочки стекловаты, которые плясали в свете фонарей вверх, вниз, и в стороны.

Глядя на эту пляску снежинок, глядя на бесконечное небо, глядя на серую дымку вдали, в которой скрывались вечерние дома и вечерние люди, я всё равно думала о тебе.

А что именно я о тебе думала, это уже не важно...

Снежинки плясали. Значит, было весело.

9

В терпком аромате густо заваренного чая вдруг почудился аромат берёзовых веников, вынутых из кипятка...

А за окном расстилалась до самой бани белая простыня огорода, в которую так весело выбегать после парной!

Русская зима весёлая. Долгая...

10

Сегодня было очень тихо и очень, очень солнечно. Морозный воздух не двигался, и, подставив лицо ярким лучам, можно было почувствовать уже уловимое тепло на щеках.

Тишина стояла в неподвижном воздухе, лишь разносился по округе далёкий лай местных собак да вдруг ошалело начинали орать воробьи в старых сливах перед калиткой, словно радуясь солнечному началу февраля и предчувствуя скорую весну.

Стояла морозно-тёплая субботняя тишина...

11

У прилавка топтался пьяненький мужичок, в свисающей с затылка шапчонке и необъятной старой затёртой дублёнке, явно с чужого плеча. Он ссыпал на монетницу мелочь и сипло забормотал, не останавливаясь:

– Люба, Люба, портвейну, 72-го или 77-го, Люба, портвейну, без сдачи, посчитал-то я вроде правильно, Люба, портвейну...

Люба, которая вовсе и не Люба, судя по незамысловатому, написанному от руки бейджу на необъятной груди, отсчитала мелочь, оставив на тарелке несколько десятикопечных монет, и шумно поставила перед мужичком бутылку тёмно-коричневой жидкости.

Тот уставился на мелочь, потом посмотрел на бутылку и вдруг засмеялся. Рука его медленно заталкивала бутылку в широкий карман дублёнки, и он, смеясь, бормотал:

– Это, что ж, я обсчитался, а, Люба? Двоешник я в школе,

наверное, был? А, Люба? Двоешник?

Другая продавщица, улыбаясь золотым ртом, крикнула ему:

– Иди с Богом, ради Христа!

И продолжила, обращаясь уже к «Любе»:

– Слышь, Любой он тебя кличет...понравилась ты ему!

– Да у него все Любы!

– ...Любой кличет, то ли потому что понравилась, то ли потому что наливаешь!

И они обе засмеялись золотыми ртами.

12

Я подошла к деревянной решётке и вдруг сквозь неё увидела этот огромный тёмный глаз.

Глаз красивого гнедого коня.

Конь медленно повернул голову и посмотрел прямо на меня.

И я, ахнув, влюбилась.

Остро. Долго. Прямо. В сердце.

Так конь смотрел на меня.

Я тихо-тихо спросила его: «Ты знаешь, что ты очень красивый?»

Он медленно наклонил большую голову прямо к земляному полу загона, устланному опилками и сеном, и вдруг резко вскинул её.

Конь кивнул мне.

Конечно, он это знал. Поэтому и смотрел так на меня.

Так дерзко.

Смотрел так же, как иногда смотрит на меня один человек.

Дерзко.

И мы договорились с красивым и умным гнедым конём Антеем встретиться в следующей жизни.

13

Один бойкий воробышка чуть не задел меня крылышком по макушке, чиркнув что-то громко, радостно и неожиданно.

Он, видимо, куда-то очень торопился и нёсся, не разбирая дороги!

И тут ему встретилась на пути моя макушка!

Я только и успела, что по инерции мотнуть головой, и он пропал...

14

В вечернем метро, прислонившись виском к надписи «Не прислоняться», так хорошо и легко думать...ни о чём...

Ни...о...чём...о чём...о...чём-то...

15

Я дышала весной.

Не могла надышаться.

Берёзы уже выпустили серёжки, а каштаны только готовились зажечь свои свечи.

Я прикасалась к мокрым, клейким почкам.

Дышала весной...

Оглядываясь по сторонам, всё чего-то ждала. Долго сама не понимала – чего...

Словно забытая мелодия из детства... вот сейчас... ещё чуть-чуть...

Да!

Они высыпали на солнечный пригорок дружной толпой, так неожиданно, что я охнула и остановилась, просто не веря своим глазам.

Жёлтые головки из детства!

В ту же секунду я поняла, что ждала и искала по сторонам именно их. Ты напомнил мне о детстве.

Теперь я не забуду.

16

Утро. Мысли. Тишина. Крепкий чай.

Взгляд мамы с фотографии.

Сегодня будет хороший день.

Обложка создана с помощью графического редактора <https://www.canva.com/> с Лицензионным соглашением Free Media. В оформлении обложки использована фотография из архива автора.

В книге использованы иллюстрации с сайта <https://www.pexels.com/ru/>:

Для рассказа «Было лето» – из архива автора

Для рассказа «Двое. Волки» – фото автора Elwira Glowacz: Pexels

Для рассказа «Чагравый» – фото автора Emre Kuzu: Pexels

Для рассказа «Вечерний рок-н-ролл» – фото <https://www.pexels.com/ru-ru/photo/48171/>

Для рассказа «Когда мы были студентами» – из архива автора

Для зарисовок «Охота на мгновения» – из архива автора